

*Моему мужу Лендеру,
который никогда не прочтет эту книгу
и будет ждать экранизацию.
Люблю тебя, балбес.*

Магия — величайшая скрытая мудрость.
Разум — величайшая видимая мудрость.

Парацельс

Был бы Генри трусом, он тут же развернулся бы и отправился в свою квартиру у Центрального парка, принял ванну и хорошенько проспался. Утром надел бы свои лакированные туфли, чистый костюм в полоску, повязал бы галстук, подаренный мамой на Рождество (ведь он так шел к его голубым глазам), и вернулся на работу. Поднялся бы на восемнадцатый этаж, сел за свой стол и попросил бы отцовскую блондинку-секретаршу, с которой он когда-то переспал в комнате с копировальной техникой, принести ему чашечку кофе. Был бы он трусом, он бы посмеялся над дурацкими шутками коллег и притворился, будто все в порядке, до тех пор пока полицейские не пришли бы арестовывать его. Ведь так и произошло бы завтра.

Но Генри не был трусом. По крайней мере, он чувствовал уверенность в себе, когда подносил к губам бутылку с алкоголем и немного из нее отпивал. Он смотрел вверх. Этаж за этажом. Крайслер-билдинг казался громадным чудищем из стали и стекла. Монстр, что каждый божий день в течение всего года высасывал из него все соки и желание жить. Даже в столь поздний час во многих окнах горел свет.

Все в округе пропахло хот-догами, мочой, потом и выхлопными газами. Типичный парфюм Нью-Йорка.

Я должен прыгнуть, пока мир не столкнул меня.

Слова прозвучали как шепот. Неразборчивый, где-то глубоко внутри него. А может, просто мысль. Ее отдаленное эхо. С улыбкой на губах он сделал глоток обжигающей

горло жидкости. Кончики пальцев рук онемели, как и все тело. Пошатываясь, Генри сделал несколько шагов и вляпался в лужу с нечистотами. Ботинки из итальянской кожи за 1500 долларов были испорчены одним движением. Он усмехнулся, одновременно борясь со слезами, а ведь не плакал уже лет пятнадцать. Моргнув, он обратил внимание на свое отражение в грязной воде: бледный, растрепанный, взгляд тусклый, галстук набекрень. Заметим, раньше он выглядел довольно неплохо. А сейчас? Сейчас похож на скомканную фотографию. Генри сжал зубы и вновь поднял бутылку, как вдруг почувствовал удар в спину. Удар был настолько внезапным, что он шатнулся вперед. Вонючая вода брызнула в разные стороны, а бутылка вылетела из рук и с громким звоном разбилась об асфальт.

Что за?..

Генри начал закипать от гнева. Горячее, как пламя, чувство пульсировало в венах, а мысли неразборчиво метались в голове от переизбытка алкоголя. Осколки хрустнули под дорогими туфлями, и Генри, еле удерживаясь на ногах, обернулся и пробурчал:

— А нельзя как-то поосторожнее?

— Это ты стоишь посреди дороги, урод!

Грубый ответ застрял у него в горле, когда он увидел перед собой искаженное от гнева детское узенькое личико с темными кудряшками волос. Мальчишка вскочил на ноги и торопливо оглянулся на него через плечо. Генри проследил за его взглядом, но ничего не заметил на безлюдной улице. Улицу освещали лишь фонарный столб и неоновая вывеска хот-дожной, и лужи поблескивали от мигания неона. В небе послышался тихий раскат грома, будто вот-вот разожжется еще больше.

Взгляд мальчишки метнулся вдоль улицы, пока он, слегка хромя, сделал шаг подальше от Генри. Еще шаг. И еще. И еще.

— Эй, а ну погоди, — рыкнул Генри и схватил мальчишку за плечо, удерживая его от побега. — Ты что тут делаешь поздно ночью? Где твои родители?

Мальчишка взглянул на него с усмешкой, будто он задал самый глупый вопрос на свете, а затем уставился на руку Генри на своем костлявом плече.

— Лапы убрал.

— Ты почему не дома? — поинтересовался Генри.

Мальчишка закатил глаза и пробубнил:

— А должен?

— Да, должен. Сколько тебе лет? Двенадцать?

Мальчик вздохнул и схватился за переносицу.

— Я слишком стар для всего этого дерьма.

— Что? — спросил Генри, все больше удивляясь происходящему. Вдруг к его рту прижали грязную ладонку так быстро, что Генри не успел даже возмутиться.

— Замолкни, — огрызнулся мальчик, быстро осматриваясь по сторонам, пока его взгляд не уставился в одну точку, а влажные кудри не облепили все лицо. Глубокий вдох, и его ноздри раздулись. Было в этом жесте что-то звериное. Он вглядывался в переулок позади них.

Генри замер и промычал сквозь ладонь:

— Что случилось? У тебя неприятности?

— Можно и так сказать. Они нас нашли, — прорычал мальчишка, убирая руку со рта Генри.

Генри проследил за его взглядом и увидел, как фигура вышла из тени. Сначала это было похоже на прохожего с собакой. Были видны лишь очертания шляпы и плаща, развевающегося на ветру. Больше ничего. Генри вздрогнул, сам не понимая почему. Волоски на шее встали дыбом, а выдох его заплясал маленькими, почти прозрачными, облачками. Свет неоновой вывески отразился на лице парня в плаще. Он так спокойно стоял под фонарем, будто ему подвластно время. Незнакомец зажег сигарету, и перед тем, как он затянулся, на ее кончике загорелась маленькая яркая точка. Выпуская струйку дыма, он заговорил:

— Так вот ты где, Лор. Мы тебя везде искали, — сказал мужчина хриплым голосом. — А теперь хватит пудрить нам мозги и пошли. Ты и так долго играл в кошки-мышки.

Мальчишка побледнел и выпрямился.

— Ты знаешь этого человека? Он твой отец? — спросил Генри.

— Дерьмо, — простонал мальчик. Отскочил от Генри и бросился бежать.

От удивления и легкого толчка Генри зашатало.

— Эй! Эй, подожди! Ты куда бежишь? — окликнул он мелкого.

Мальчишка не ответил, а парень в плаще щелкнул пальцами. Звук необычайно громко разнесся по переулку, и через секунду раздался глубокий рык. Сердце Генри сжалось. Пес был похож на добермана: стройное черное тело, длинная морда и заостренные уши, но что-то в нем было не так. Он прыгнул и остановился перед мальчиком, перегородив путь. Зверь зарычал так, что Генри попятился на пару шагов.

— Что это такое... — успел он пробормотать, и тут мальчик резко развернулся к незнакомцу, сжал свои маленькие кулачки и рыкнул.

— Да как ты смеешь? А ну гони его отсюда, Элви! Пусть проваливает, или ты пожалеешь.

Кончик сигареты вновь покраснел, и мужчина — Элви? — рассмеялся, выпуская дым из рта.

— Хватит прятаться, Лор. Становится уже как-то неловко, не находишь? Я преследую тебя несколько недель, а твои попытки спрятаться все хуже и хуже.

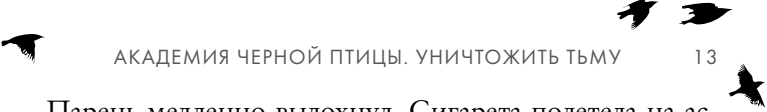
Мальчишка прыснул:

— Элви, отвали или...

— ...или что? Ты не в том положении, чтобы выдвигать требования. Давай, бегай, бегай. Тебя весь Синдикат ищет. Мы найдем тебя, где бы ты ни прятался.

Пес вновь зарычал, и Генри показалось, будто тварь становится больше. Она опустила голову и выгнула спину так, что образовался огромный черный горб. Инстинктивно Генри встал перед мальчишкой и пристально посмотрел на Элви.

— Ты его отец? Если нет, то вали отсюда со своей шавкой или я вызову полицию.

Парень медленно выдохнул. Сигарета полетела на асфальт, и искры от нее описали дугу в воздухе.

— Уходи, человек. Это не твое дело.

Генри зашатало, напоминая о том, сколько он выпил.

— Я вызову полицию! — сказал он громче, несмотря на холодные струйки пота, стекающие по спине. Пар от горячего дыхания висел перед лицом, будто за несколько минут температура на улице упала на несколько градусов. — Вызываю, — продолжил он, доставая телефон.

Элви вновь щелкнул, и тварь зарычала. Под звуки, похожие на хруст ломающихся костей, пес начал увеличиваться, а из его горба будто что-то выпирало. Генри вскрикнул, попытался назад и бросился к мальчишке.

Тот быстро схватил его за руку и прошипел:

— Беги, а не то...

Не успел мальчик закончить фразу, как зверь, широко раскрыв пасть, набросился на Генри. Клыки вонзились в плоть, а слюна потекла по дорогой ткани костюма. Мгновение Генри был настолько потрясен, что мог смотреть только на пасть, плотно сжавшую его ногу. Рык твари и хруст своих костей он услышал одновременно. Позже пришла боль и пронзила все тело Генри. Ощущение было такое, будто ногу отрывают. Колени подкосились, и у него вырвался нечеловеческий крик. Он в ужасе уставился на чудище перед ним. Это же все бред, розыгрыш. Почему тварь становилась все больше и больше?

Пес буквально раздувался, превращался в настоящее чудовище. На нем по-прежнему была шерсть, но теперь его фигура все больше походила на человеческую: мускулистое туловище, волосатые руки, похожие на обезьяньи; очертания лица грубые, словно высеченные из камня; узкая собачья морда с мокрым носом вглядывалась в Генри черными бездушными глазами, а из странной формы черепа торчали рога. От мокрой шерсти и открытой пасти зверя ужасно воняло.

Чудище мотнуло головой, и из груди Генри вырвался сдавленный вскрик. Он отлетел в ближайшую стену, словно

тряпичная кукла. Звонкий хруст в шее не предвещал ничего хорошего, в глазах помутнело, а он даже не закричал. Генри упал. Чудище рычало, из его рта текла и пенилась слюна вперемешку с алой кровью. Задыхаясь, Генри попытался хоть немного отползти назад, но спина уперлась в стену. Зверь всматривался в жертву злыми, но пугающе умными глазами. Он распахнул пасть, издав мощный рев, и бросился вперед.

Генри закрыл руками лицо в надежде, что это спасет его от неминуемой смерти. Он весь был в грязной воде из лужи. От ужаса он зажмурился, но укуса не последовало, вместо этого он услышал оглушительный нечеловеческий вой. Он открыл глаза и увидел перед собой мальчишку, а из глаза пса торчал осколок стекла. Кровь брызнула в лицо ребенка.

— Только не это, черт! — прорычал Элви.

Мальчишка презрительно фыркнул, вытащил осколок из морды черной твари и схватил Генри за руку, пытаясь поднять того на ноги.

— Беги! — крикнул он.

Раненый Генри был так ошеломлен, что даже смог передвигаться, несмотря на ощущение, будто его тело разрубили на тысячи кусочков. Рука тянула его за собой, а позади слышались звериное рычание и грубые команды хозяина.

Генри бежал. Бежал, пытаясь понять, что происходит. Это не может быть реальностью. Он слишком пьян. Все-таки он был трусом. Поэтому пошел домой. Наверняка он лежит в ванне у себя дома и отсыпается. Утром он откроет опухшие глаза, наденет костюм, пойдет на работу. Выпьет чашечку кофе, посмеется над шутками коллег, а потом его арестуют за неуплату налогов.

Все-таки Генри был трусом. Он ведь не хотел умирать. Это все ему кажется, кажется, кажется...

— Сюда! — мальчик затащил его в другой переулок, снося на пути все, что мешалось под ногами. Грохот картонных коробок со всяким хламом разносился по улице, и мальчишка подтащил его к мусорному баку. — Лезь сюда! — прошипел он.

— Что? — проворчал Генри, но мальчик уже нырнул в мусорный бак.

Позади Генри послышался вой, и он не выдержал. Животные инстинкты взяли верх, и он забрался в мусорку. Мальчик моментально захлопнул крышку бака, их окружила крошечная тьма. Генри слышал лишь собственное дыхание и громко отдававшийся в ушах пульс.

Вдох, выдох.

Вдох, выдох.

Вдох, выдох.

Сглотнув, он почувствовал металлический привкус у себя на языке.

— Мне все кажется, кажется, — шептал Генри себе под нос, все сильнее закапываясь в мусор.

Мальчик шикнул на него, и Генри затаил дыхание.

Помимо биения своего сердца он услышал противный звук. Скрежет когтей. И очень близко. Следом раздалось рычание, и Генри, подавляя крик, прикусил язык.

Это же все не на самом деле, так не бывает...

Стук когтей раздался над их головами. Крышка отодвинулась, и за ней показалась морда с открытой пастью. Генри замер, а плечи мальчишки напряглись, когда звонкий свист отвлек зверя.

— Прекращай копать в мусоре, тупое животное! Ищи дальше!

Послышался рык, и Генри почувствовал, как по его щеке стекает что-то противно склизкое. Он был готов рыдаться, но мальчишка мгновенно закрыл ему рот рукой. Его маленькая рука пахла гнилым бананом.

— Живее! Времени нет, — рявкнул Элви.

Раздался шлепок, будто что-то пнули ногой или ударили кулаком, а затем послышался визг зверя. Он оттолкнулся от мусорки и побежал дальше. Толчок был настолько сильным, что бак затрясся.

Генри отчаянно втягивал воздух. Тишина. Лишь рука все еще прикрывала его рот. Никто кроме тараканов не двигался в этом мусорном баке.